

MILICIA

МУКАГАЛИ, КОТОРОГО Я ЗНАЛ

Улугбек ЕСДАУЛЕТ, поэт

БЕШЕНЫЙ

В 1973 году в Алматы состоялся совет молодых поэтов-прозаиков. Я выбрал для себя секцию Кадыра Мырзалиева. Просторный кабинет на первом этаже Союза писателей. По списку нас проверил ассистирующий Кадыру Аян Нысаналин. Каждый из участников, встав с места, бодро сообщал: из какой области прибыл, где работает и так далее. Вдруг, заслоня дверь своей крупной фигурой, заходит Мукагали Макатаев и молча, большими глубоко посаженными глазами изучающе рассматривает нас.

– Ты откуда парнишка? – спросил его Кадыр ага. Мы засмеялись. Пока Мухан улыбался, Аян ага шутливо сообщил:

– Мукагали Макатаев. Москва. Студент. – И с важным видом включил его в список. Мы опять рассмеялись. Оказалось, на самом деле Мукагали ага приехал из Москвы. Это было время, когда он учился на Высших курсах Литературного института имени М. Горького.

– Пришел послушать стихи молодых ангелов, – сказал он, присев в уголок, хотя приглашали пройти на более заметное место.

По очереди читаем стихи. Вперемежку обсуждаем, делаем разбор. Мукагали очень внимательно слушает нас. Жаркен Бодешев из Кокшетау, Журсин Ерманов из Жезказгана отметились оригинальными стихами. Кадыр Мырзалиев, характеризуя стихи одного молодого поэта (имя не помню), сказал:

– В стиле письма есть раскованность. Чувствуется природа слога. Пишет, прям как Мукагали, – похвалил, было, парня поэт, и вдруг с места встал сам Мукагали:

– Эй, Кадыр, ты меня воткнул в один мешок с этим мальчиком. Поместимся ли мы вдвоем? – сказал он... и покинул зал.

В обеденный перерыв вновь встретились с Мукагали ага, он был не такой как утром, раскрасневшийся, слегка выпивший.

– Эй, девкагоны (ловеласы – У. Е.), подойдите ко мне. Если закончился семинар Кадыра, то мой начинается, читайте стихи, – предложил он. Внимательно слушал нас, читал собственные стихи. Когда он громогласно декламировал свое очередное произведение, сзади к нему подошел смуглый крупный мужчина с мощной бычьей шеей и огромным кулаком треснул его по спине. Стихи оборвались, поэт, недовольно обернувшись, проронил:

– Ай... Бешеный, ты? Даже не даешь спокойно почитать стихи. А я здесь распляжусь, открыв семинар... Чуть не проглотил свои легкие. Дурак... – отрывисто засмеялся Мукагали и сказал нам. – Это Рамзай... Он для вас Рамазан ага Токтаров, прозаик. «Иртыш впадает в океан» (название его романа) – добавил еще. – «Иртыш», расхохотавшись, направился к своему «океану».

Кто из друзей был более «бешеный», я так и не понял.

КАК РОДИЛСЯ «РЕКВИЕМ»?

Позже, спустя лет десять, на Высших курсах Литературного института в Москве, где шесть месяцев учился Мукагали ага, довелось и мне два года поучиться с Рамазаном ага Токтаровым. Послушав несколько лекций нашего куратора, известного русского поэта Александра Межирова, я понял, как родился «Реквием. Заупокойная молитва».

Глубокоуважаемый поэт Межиров, к которому обращались не иначе как «мэтр», несколько занятий подряд посвятил «Моцарту и Сальери» А. С. Пушкина. В начале уроков он предлагал послушать грампластинку с текстами из спектакля. Затем мы слушали арии из одноименной оперы. Мэтр делал подробный разбор, глубокий анализ каждого слова, каждой строчки. Под конец изучения темы пригласил знаменитого театрального актера, который очень выразительно прочитал поэму.

Моцарт: Так слушай.

Недели три тому, пришел я поздно

Домой. Сказали мне, что заходил

*За мною кто-то. Отчего – не знаю.
Всю ночь я думал: кто бы это был?
И что ему во мне?
Назавтра тот же
Зашел и не застал опять меня.
На третий день играл я на полу
С моим мальчишкой. Кликнули меня;
Я вышел. Человек, одетый в черное,
Учтиво поклонившись, заказал
Мне Requiem и скрылся.
Сел я тотчас
И стал писать –
и с той поры за мною
Не приходил мой черный человек;
А я и рад:
мне было б жаль расстаться
С моей работой, хоть совсем готов
Уж Requiem. Но между тем я...*

Сальери: Что?

Моцарт: Мне совестно признаться в этом...

Сальери: В чем же?

Моцарт: Мне день и ночь покоя не дает

Мой черный человек. За мною всюду

Как тень он гонится. Вот и теперь

Мне кажется, он с нами сам – третий сидит.

Из этого отрывка ясно видно, что небольшая по объему трагедия Пушкина послужила толчком к созданию Мукагали «Реквиема», как и к написанию Сергеем Есениным поэмы «Черный человек».

Также на одном из занятий мы разбирали особенности «Песни сирот», «Песни вдов», «Песни слепых», «Песни попрошаек», «Песни прокаженных» из поэмы «Голоса» австрийского поэта Райнера Мариа Рильке. На Мукагали Макатаева произвели сильное впечатление названные произведения Пушкина и Рильке.

Эти великолепные сочинения я читал и слушал. Я тоже был сильно впечатлен ими, однако глубоко таинственное произведение, как «Реквием» Мукагали, не вышло из-под моего пера.

В нашем учебном корпусе, что на Тверском бульваре, стоял большой черный диван. Заведующая учебной частью Вера Аверьяновна Малюкова говорила: «Это – казахстанский диван». Позже я узнал, почему она так сказала.

Однажды во время перерыва Александр Межиров поведал: «Я слышал, на этом диване иногда спал один из наших слушателей – казахский поэт Мукагали Макатаев. Говорили, что он выпивает. Однако ни разу не видел его выпившим на моих занятиях. Он обладал мощным талантом. Почему его не уберегли? – спросил мэтр.

Этот вопрос был адресован не только мне, но и всей нашей нации, нашему обществу и государству.

ГЕРОЙСКИЙ МАЛЬЧИК БОЛАТБЕК

Как-то проходя с поэтом Даутали Стамбековым мимо Главпочтамта, вдруг слышим:

– Эй, геройский мальчик Болатбек, иди сюда! – прозвучала повелительный зычная команда. Резко обернулись на голос. Мужчина крупного телосложения в небрежно надетой белой рубашке указательным пальцем подзывал к себе Даутали.

– Это Мукагали ага, надо поздороваться с ним, – сказал Даутали. И мы рванулись к нему с приветствиями.

– Эй, геройский мальчик Болатбек, у меня в кармане голова твоего дедушки, а что у тебя есть, почему не сообразить нам на троих? –

предложил он, вытащив из кармана металлический рубль с изображением Ленина и поигрывая им на ладони. Мы к этому часу потратили последние деньги, поэтому в наших карманах не завалялась даже одной «головой дедушки», и стесненные в средствах, без шума быстро ретировались.

– Хорошим именем нарек тебя агай, а почему? – спросил я.

– В «Балдыргане» вышли мои стихи о Болатбеке, с тех пор Мукагали называет меня не иначе, как «Геройский мальчик Болатбек», – ответил Даутали.

АВТОГРАФ

Однажды во время занятий по стилистике казахского языка с шумом распахнулась дверь, и в аудиторию вошел наш сокурсник, певец Жанибек Карменов с Мукагали Макатаевым. Преподаватель Бари Манасбаев сказал:

– Дорогой Мукагали, я ведь провожу занятия. Сейчас нельзя, попозже на перерыве зайдешь. Подожди.

– Эй, Бори, – ответил Мукагали, намеренно искажая его имя, – ты их постоянно обучаешь, дай попробовать и мне провести урок для молодых поэтов.

Нам, как говорится, нужен был подобный «театр»:

– Пусть проведет урок! Урок! – зашумели мы дружно, подскакивав с мест. Бари агай был вынужден уступить место поэту.

Мукагали, поднявшись на трибуну, поднял руки вверх, держа в них свои книги:

– Это сборник моих стихов «Лебединые сны», на днях вышедший в свет. Еще не высохла краска, в продажу книга не поступала. Обычно поэты в подобных случаях новую книгу спешат в первую очередь преподнести начальникам, главным редакторам, критикам, что пишут хвалебные рецензии. Словом, подлизываются. Я же дарю вам, а не «сливкам общества». Сегодня получил положенных автору десять экземпляров, сейчас их подарю вам, – объявил он, готовясь раздавать автограф.

Ребята с просьбой: «Мне! Можно мне?! – обступили поэта, я тоже, вклинившись в толпу, уже протягивал руку, тут получивший первым автограф Жанибек Карменов вытянул меня из нее.

– Будет неловко, если не отблагодарим Мукагали ага. Давай соберем деньги...

И пока мы занимались этим благовидным делом, поэт успел раздать всем книги с автографом.

Где по рублю, где по два, у кого-то и пять, все, что было в наших студенческих карманах, мы отдали Жанибеку. Он их аккуратно сложил и сунул в карман широких брюк Мукагали. Поэт под занавес встречи прочитал несколько стихов из нового цикла. Мы остались довольны, ушел довольным и он.

Собирая деньги для Мукагали, я остался без его книги и автографа. Ну и ладно, все равно книг не хватило на всех.

После обеда, когда у нас закончились занятия, он безмятежно, свесив до земли крепкие мужицкие руки, раскинув смолистые волосы, спал на длинной скамье возле кафе «Акку», что напротив университета. Проходившие по скверу милиционеры не тревожили его. Мы также удивленно обошли его.

СИТЦЕВЫЙ НОСОВОЙ ПЛАТОК

В ту пору в Алматы буйствовал сильный грипп. Ситуация была настолько серьезной, что поговаривали, будто бы в Москве Брежнев вызвал к себе президента Академии наук СССР и приказал: «Найдите бомбу против гриппа!». У меня заложило нос после гриппа, только вытащил из кармана носовой платок, как это заметил Мукагали:

– Хороший платочек, где взял? – спросил он. Я, удивленный тем, что такой знаменитый поэт обращает внимание на всякую всячину, залепетал:

– Недавно ездил в аул... Скончался дядя по материнской линии. Во время заупокойной молитвы раздавали платочки, – ответил ему.

– Сколько было ему лет?

– Сто четыре года.

– Сто четыре, говоришь? Да-а?! Долго жил. Не впал в детство? – спросил с пристрастием Мухан.

– Нет, умер в своем уме. Никто даже не думал, что ему за сто. До последних своих дней он убирал снег, летом подметал двор, старик был расторопный и бодрый.

– Дай-ка, поддержи, – протянул он руку. Я дал ему белесого цвета красивый пятнистый ситцевый платочек. Мукагали нежно поднес его ко лбу, приложил к щекам своим, затем несколько раз помял.

– Эй, дорогой! Я в последнее время почему-то боюсь умереть. Отдай мне этот платочек. Наверное, хотя бы иногда верить в приметы. Как говорится, на счастье. Может быть, я проживу столько же лет, столько твой нагашы? А ты возьми мой платочек носовой. Поменяемся. Ты молод. Сначала доживи до моих лет, а дальше посмотришь, – предложил он, протягивая мне свой платок. Ситцевый лоскуток был влажный от пота. Я поглубже засунул его в карман...

Когда возвращался домой, то вновь напомнил о себе проклятый грипп. Я засопел. Едва поднес ситцевый платочек к носу, как неприятный запах соленого пота, отдающего почему-то гарью, тут же ударил в ноздри, и дальше будто проник в мою аорту. Я не был чистоплюем, однако побрезговав, выбросил платочек.

...Прошли дни. Как-то ждал в Союзе писателей Жараскана Абдрашева, вдруг подошел ко мне бородатый русский мужчина и спросил:

– Ты кто?

– Я поэт, – сказал гордо.

– Какой ты поэт?

– Сильный поэт.

– Как зовут?

– Улугбек Есдаулетов.

– О таком поэте не слышал...

– Если не слышал, то услышишь!

– Я могу сразу определить, какой ты на самом деле поэт?

– Как проверишь? Я не пишу на русском. Ты же ничего не понимаешь по-казахски.

– Сейчас подойдет мой друг. Его попрошу проверить тебя. Он всем дает точную оценку.

– Кто он?

– Узнаешь, когда придет.

– А кто ты?

– Поэт Сергей Киселев.

– Постой, ты из Устькамана? Слышал. Мы земляки.

– Ты знаешь меня? – обрадовался бородатый. Потом сказал:

– Вот он. Пришел мой друг, о котором я говорил.

Это был Мукагали Макатаев.

– Мукагали, дружище мой, этот парень говорит, что он сильный поэт. Это правда?

– Сергей, ты до сих пор не знаком с Улугбеком? Я его знаю. Улугбек, подаренный тобой платок я берегу. Вот, видишь? – повернулся он ко мне, вытащив из кармана светло-серый лоскуток, и спросил: а где платок, что дал я тебе?

– Я ... его... – растерянно чуть не брякнул «выбросил» – оставил в кармане другого пиджака... – пробормотал и так, запинаясь, вышел из неловкой ситуации.

«Зачем я выкинул платочек?», – до сих пор сверлит в мозгу вопрос. «В конце концов, можно ведь было его постирать...».

Ровно через неделю после смерти поэта, напившись с горя, его друг Сергей Киселев с криком: «Мукагали, стой!» – выбросился с балкона высотного дома...

«УСТУПИТЕ ДОРОГУ МУКАГАЛИ МАКАТАЕВУ!»

Однажды с другом, поэтом Ерланом Багаевым, шли по улице. Вдруг слышим, кто-то кричит зычным голосом:

– Уступите дорогу! Уступите дорогу!

Мы остановились растерянно. Голос продолжает греметь:

– Уступите дорогу! Уступите дорогу! Почему не уступаете дорогу Мукагали Мукатаеву? Или он этого не заслужил? Уступите дорогу! Уступите дорогу!

Только недавно в столовой, прозванной «Шахтой», видели его. Рассекая руками воздух, откинув волосы на плечи, он читал стихи: «Спой, смерть, колыбельную, спой». Поздоровались с ним, и даже купили ему вина.

– Уступите дорогу!

Мы посторонились, уступили ему дорогу. Прогремов, как гром, быстро, как тучи, пролетел мимо нас. Слышим сзади смешок. Оборачиваемся, а это старшекурсники Сауытбек Абдрахманов и Заманбек Абдешев. Насмешник Сауытбек даже подколол:

– Когда идет большой поэт, оказывается, маленькие поэты уступают ему дорогу.

Не успели пройти несколько десятков метров, как увидели только что обогнавшего нас Мукагали ага стоящим на углу нынешних улиц Абылай хана и Богенбай батыра.

– Эй, пацаны, подойдите ко мне. Эти кишашие машины или задавят меня, или я накрою одну из них. Переведите меня через дорогу, – попросил он, всматриваясь в каждого из нас, взявших его под руку:

– Твой отец Узак сделал много хорошего для меня. Ты мой близкий человек. Знаешь об этом? – сказал он, поцеловав Ерлана, и затем повернулся ко мне, вытаращив глаза:

– Ты проказник, что здесь делаешь? – сказал он, когда перешли дорогу. – Сейчас пойду в Союз писателей. Как только войду в здание, все попрячутся по своим норам. Некоторые закроются в кабинетах на ключ. Пойдемте вместе, вам будет интересно.

Но здесь, как говорится, Бог нас миловал. Мы, было, начали озираться, дойдя до порога Дома Союза писателей, как Мухан резко остановился.

– Нет, не хочу, чтобы из-за моих «концертов» вы пострадали. Вы еще молоды. У вас все еще впереди. Если кто-то увидит, что вы со мной, пойдут сплетни. Мол, эти двое пьянствуют с Мукагали. Возвращайтесь, проказники! – сказал он, похлопав нас по плечу. Сам зашел вовнутрь. Мы же послушались мэтра и решили последовать за ним.

Мукагали в холле перед зеркалом причесал волосы, поправил лацканы пиджака, застегнул пуговицы. На глазах превратился в спокойного, солидного человека. В тот же момент несколько писателей, выходявшие из кабинетов, дружно стали с ним здороваться. За всем этим мы, находясь на расстоянии, наблюдали со стороны.

– Эй, Мукагали, ты стал человеком, – успел ляпнуть один из писателей. Как тут же взорвался Мухан:

– Ты о чём? Я до этого был не человеком, а ослом?!

Наш старшой, посинев от возмущения, обозленный, шумно двинулся в сторону «Каламгера». От необдуманно сказанного, быть может, и со злым умыслом слова он сильно огорчился.

КРАЖА ГУСЕЙ

В издательство «Жазушы» из Нарынкола приехал поэт Еркин Ибитанов.

Я знал о нем по его поэме «Овцеводы», включенной в школьный учебник, да по восхвалениям его земляка, моего сокурсника поэта Батыка Мажитулы. Когда мы с Еркином обсуждали его рукопись, к нам в кабинет влетел Бекен Абдирзаков. Поприветствовав нас, расспросив о том о сём, он сказал:

– Эй, Еркин, не каждый день приезжаешь, почему бы тебе не налить нам по сто грамм?

Еркин агай недоуменно:

– А это еще за что?

– Ведь ты не каждый день угощаешь нас?

– Когда вы приезжаете в аул, мы радуемся гостям из столицы и делаем все, чтобы вам было комфортно. Накрываем богатый дастархан, забиваем барана, водка льется рекой. Приезжая в город, вновь угощаем горожан. А где справедливость? В жизни все взаимно. Забыли вы о гостеприимстве? В мои редкие наезды в Алматы могли бы и вы угощать?

– Еркин, послушай меня. Аллах распорядился так, что нас оставил жить в голодном городе, а вас в благополучном ауле, чтобы вы при случае могли нас обогреть, накормить, опохмелить. Это закон жизни, указ Бога. От этого никуда не убежишь. Приехал из аула – угощай друзей, налить

им по сто грамм – это долг поэта. Если не согласен с этим, то дело твое. Не хочешь, так меня угостит мой братишка Улугбек.

– Откуда деньги у молодежи? Чем загружать братишку, лучше за встречу отвечу сам. Ну, давайте, за мной, – сказал Еркин и направился в сторону бара «Каламгер».

Общение получилось оживленное. По возможности я старался направить беседу на отношения нашего гостя с Мукагали ага. Хотелось известные мне прежде от Батыка рассказы об их дружбе услышать из первых уст.

– Однажды ко мне в райцентр позвонил из аула Мукагали. «Так-то так, супруга моя с детьми уехала к родственникам. И дом свободный, и я свободен от работы. Заскучал, бросай всё, приезжай! – прогремел он в трубку.

– Я работал тогда в Нарынкольской районной газете «Советская граница». У редактора попросился в командировку в аул Карасаз. Объяснил цель поездки – освещение хода одной из сельскохозяйственных кампаний. В то время Мукагали был учителем местной школы. Стояло лето, дети на каникулах. Благодатное время: прекрасные горы, аул у подножья, прохладный ветер, все вокруг в цвету. В те годы, если мы пару дней не встречались с Мукагали, то скучали друг по другу. Когда приехал, то увидел ожидавшего меня Мукагали ага, приготовившего к нашей встрече аппетитное свежее мясо в казане. Пара бутылок лежала в моем портфеле. Когда стал их вытаскивать, то услышал:

– Не надо было беспокоиться, к твоему приезду таких напитков закупил целый ящик. Нам хватит, никого не приглашал, без них будет хорошо. Они не понимают наших разговоров.

– После этого понеслось! Бесконечный поток стихов. Воспоминания о детстве, споры о поэзии, о поэтах, о прочитанных книгах, о нас самих, о будущем, словом, нескончаемые темы... Делимся мечтой, сокровенными мыслями. Шутки-прибаутки, не прерываются рассказы, стихи и тосты. Вдруг он сказал:

– Еркин, поскольку ты моложе, умрешь после меня. Поэтому наш аул переименуют, назовут моим именем, а как же быть с тобой. Тебе не достанется аул...

– Ничего, Мукаш, пусть аул назовут твоим именем, мне достаточно и района, – смеюсь я.

Так, в мгновение ока, пролетели четыре «гудящих» дня. Четверо суток не выходили из дому. На пятый день мы были в полусознательном состоянии. Водки дома хватало, а продукты закончились. Хочется есть. Аж крутит в желудке. Вижу, и Мукагали не в лучшем состоянии.

– Мукаш, лечение закончилось, а «трубы» все горят. Больше не могу пить без закуски. Надо, как говорится, хотя бы заморить червячка. А лучше всего, конечно, что-нибудь с бульоном, – говорю страдальческим голосом.

– Потерпи до вечера, Еркин, – до сумерек перебьемся, а затем выйдем на улицу, всё будет... – успокоил меня Мукагали.

– Его слова «выйдем на улицу» я воспринял как приглашение куда-то в гости. Долгожданный вечер всё не наступал. Водка не шла на голодный желудок, однако мы старались перехитрить его оригинальными тостами. Все-таки нам удавалось не снижать привычную дозу. Так мы кое-как дотянули до сумерек. Когда вечерний аул угомонился, Мукагали принес со двора две палки. Одну из них всучил мне, другую оставил у себя.

– Ну, пошли, – скомандовал он.

Я не понял, для чего нужна палка. «Наверное, придется отбиваться от бродячих собак. Куда же мы идем в гости?», подумалось мне. Тем временем пустой желудок не прекращал свое бурчание. Перед глазами мерещился щедрый дастархан. Можете представить состояние людей, четыре дня и четыре ночи распивавших спиртное. Лица наши в морщинах, потрепанные волосы, руки дрожат... Не хочется в таком виде встречаться со знакомыми, родственниками, тем более в гостях.

Несмотря на это, на ослабших ногах мы поковыляли на улицу.

...Полусонный предвечерний аул. Только обогнули дом, неизвестно откуда навстречу нам вышли два гогочущих гуся. Тотчас Мукагали говорит:

– Вот этот мой, а тот – твой, ударь палкой! – скомандовал он и с размаху шарахнул по длинной шее ближнего гуся. Я тоже в этот момент рубанул по изогнутой дуге другой птицы. От ударов крепкой палки тут же плюхнулись на землю безвинные пернатые. Шевелящихся гусей мы взяли в охапку и быстро, насколько это было возможно в нашем состоянии, занесли во двор. Перерезали горло и внесли домой.

– Туши свет, туши! Соседи заметят... Будем ощипывать пух, – сказал Мукагали.

Опустили занавески. Ярко вспыхнув, погас свет. Совершенно темно, как говорится, ни зги не видно, а мы с треском и шумом выщипываем перья. Оба сосредоточенно молчим. Громко стучит сердце, слышно только наше пыхтение и хруст перьев. Легко ли было нам, ранее не занимавшимся кражей?

«Кто хозяин гусей? Теперь уже не важно, кто бы ни был... Голод не тетка, как говорится. Бог простит...». Пока я пытался свести эти разрозненные мысли в одно целое, беспросветную темень прорвал истошный вопль Мукагали:

– Включай свет, включай!

– Е, зачем? Что случилось?

– Зажги свет, зажги, если тебе... – произнес он уже тише.

Я стал шарить руками по стенке, наконец, нашел выключатель. Смотрю...

Вся комната в белом пуху, будто метет пурга. И в центре этого пухового коловращения сидит весь в белом, как святой, огромный Мукагали. На гусиную шею, оказывается, был надет как бы своеобразный мини-ошейник из серой тоненькой веревочки. Ее и показывал, надев на палец, Мукагали:

– Ай, этих породистых гусей Лашын привезла из родного аула. Узнаю по ошейнику. Она хотела развести, размножить их. Несколько дней птицы оставались на улице. Как я забыл их загнать во двор?.. Если бы вспомнил, то целый день не ждали бы наступления вечера... Мы бы уже успели их «оприходовать». Причем, не воровато крадучись... – резко встал огорченный Мукагали...

Так мы с Мукагали из «краденных» гусей сварили суп, попили бульон, набрались сил, – завершил свой рассказ Еркин ага Ибитанов.

И в этот миг перед моими взором всплыла неожиданная картина: в центре белого «пухопада» показалась внушительная фигура Мукагали.